

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19, 21, 24, 27, 30, 36, 39, 43, 46, 50, 53, 56, 59, 62.

Грубое верхоглядство

Первым из угловой дачи на перекрестке, выходящей на улицу Серафимовича, Анатолий Ткаченко берет в оборот Степана Щипачева: его поэмы «Домик в Шушенском» и «Павлик Морозов».

Кроме верхоглядства в адрес этих трепанных-перетрепанных поэм он ничего не вносит и ниспадает к оценочной грубятине и огулу: «И все-таки у небездарного Степана Петровича не до конца «опартиелась» душа: в начале 50-х он пишет цикл чистой лирики «Строки любви» – ничего о политике, только любовь, возвышенные чувства. Хотя поэт и строго предупреждает: «Любовь – не вздохи на скамейке и не прогулки при луне», наивны и выпендривы эти «строки» на телерешнее восприятие, но тогда ими зачитывалась вся страна, не знавшая Есенина, не читавшая Ахматову, не слышавшая о Заболоцком и множестве других русских лириках (лириков. – Н. В.), даже суровый Иосиф Виссарионович решил отметить Щипачева литературной премией своего имени».

Лиризм Щипачева отличался смелостью. И Сталинской премией он был одарен до «Строк любви», а уж они, набравшие пословичного совершенства и нравственной чистоплотности, принесли ему вторую Сталинскую премию. И привлекали они простонародной искренностью, склонением к серьезности душевной, неувядаемой красоте чувства... И невежественная чушь то, что не знали Есенина (его стали печатать и издавать), читали Ахматову, слышали о Заболоцком и находили его. Гонимых, запрещаемых, посаженных у нас переписывали в альбомы и тетрадки, перебивали на машинках, пели, передавали из уст в уста. Припахивает гнусностью сведение поля русской лирики к нескольким поэтам. Опущены Александр Блок, Николай Гумилев, Николай Клюев, Владимир Маяковский, Максимилиан Волошин, Марина Цветаева, Борис Пастернак, Александр Твардовский, Владимир Луговской, Леонид Мартынов, Павел Васильев, Борис Корнилов, Александр Фатьянов, Ольга Берггольц, Виктор Боков, Александр Яшин, Людмила Татьяничева, Ярослав Смеляков, Василий Федоров, Владимир Сабинин, Валентин Сорокин... Невероятным до скандальности было в судьбе Степана Щипачева то, что в Словении свадьбы обставлялись его поэзией!

Яшинские «Рычаги»

Претендент на всеведение А. С. Т. в какой уж раз опрокинулся: он не знает, был ли Степан Щипачев счастлив в любви. Был, нет сомнения: это выделено в его лирике, где солнечно царствует стихотворение: «У евреек в древности бывали серые, как у тебя, глаза». И еще разрушительно постыдней претенциозность представлена Ткаченко в подаче своего руководителя на семинаре Высших литературных курсов: Николая Сергеевича Атарова, который жил на той же даче, как и Степан Петрович Щипачев. Расписав успех своего рассказа «Оформитель» у Атарова, его заступничество за сей рассказ от критики «вззлзашника» А. Грачева из Ярославля и похвалы мастера сахалинской книги «Соленый берег», он кинулся изображать учителя: «С Николаем Сергеевичем Атаровым мы были дружны многие годы, он приглашал меня вот на эту дачу, во дворе «творил» отличные шашлыки (в нем угадывалась кавказская кровь, был он черняв, невысок, крепок телом, с лысоватостью ранней, любил гостей, приятельские застолья...)». Дружил многие годы, а рост занисил: стойко средний. Не удивлюсь: прокрустовски лютый Ткаченко – специалист по укорачиванию.

Верно, и в попытках возвысить производил занижение-укорачивание по провальному для себя незнанию: «В хрущевское время он стал

Корней Чуковский спасал у себя на даче советского антикоммуниста № 1 Александра Солженицына

редактором альманаха «Литературная Москва», выпустил два номера и был снят с партийным выговором: печатал слишком смелые вещи, опубликовал и наделавший много шума рассказ А. Яшина «Рычаги» (в нем сельские коммунисты, только заговорившие о своей нищете и бесправности, открыв партийное собрание, гордо называют себя «рычагами партии»). Это окончательно вывело из «оттепельного» терпения кремлевских блюстителей соцреализма». Увы и ах, редактором альманаха «Литературная Москва» Николай Атаров не был и, разумеется, яшинских «Рычагов» не печатал, партийного выговора за него не получал, не выводил из окончательного терпения блюстителей соцреализма. Закрыта была «Литературная Москва» не только за рассказ колоссальной честности «Рычаги», а создавалась она под редакцией широко известных тогда писателей: А. А. Бека, М. И. Алигер, В. А. Кавернина, Э. Г. Казакевича, К. Г. Паустовского, В. Ф. Тендрякова, главный редактор не объявлялся на титуле, а был им Эммануил Казакевич. В редсовет начального выпуска «Литературной Москвы» входил Борис Бедный, автор знаменитых повестей и фильма «Девичья».

Если бы заикленный на себя А. С. Т. даже слегка бы интересовался служебной долей Атарова, он запомнил бы, что Николай Атаров был первым главным редактором журнала «Москва» и лишь краткий период: смелость явно помешала ему создавать журнал сердцевинно-масштабный, художественного и социально-политического содержания.

«Дача в ельнике старом»

Психологическая убогость, да и безразличие к истории личности учителя помешали Ткаченко уяснить и раннюю смерть Николая Сергеевича, и причину его болезни – старческого психоза. В качестве таковой он выдвигает следующее: «...ему, всегда молодавому, подвижному, любящему жизнь и общение, возрастные немощи и ожидание старости были нетерпимы». И ни слова о том, что Атаров сразу ушел на фронт, едва фашистская Германия напала на нашу Отчизну – СССР, что он оборонял блокадный Ленинград и участвовал в его освобождении, что ему удалось перенести Керченскую катастрофу мая 1942 года и отступление на Кубани, что он проделал тяжкий батальный путь с III Украинским фронтом по Украине, на Балканах, в Венгрии, в Австрии, что и после разгрома

гитлеризма ему пришлось служить в наших войсках в Румынии, Болгарии. Умер Атаров не старым, в 65–66 лет. Что касается «старческого психоза», – тупо, слепо верен Ткаченко своему ледяному антарктизму, завершая плетение словес вокруг на редкость талантливого прозаика – автора повести «Хозяин малых рек», «А я люблю лошадь» – цельного волей и патриотизмом воина, благороднейшего деятеля и воспитателя

Николая Сергеевича Атарова: «Память о нем у меня самая добрая: хороший человек, умный литератор был моим наставником в моей московской молодости, поначалу не столь уж и простой для сахалинского провинциала». В трех строках книжного текста тройное меня-

кание, переходящее в козлиное бляение. «В 1989 году, в свой очередной приезд в Переделкино, я подошел к этой, так знакомой мне даче, погрузил и чуть позже записал в дневнике:

*Дача в ельнике старом,
Свет, занавески, уют...
Здесь жил писатель Атаров,
Другие теперь живут».*

И это все за роскошь общения, за творческую бережливость, за гостеприимство, ничем не вознаграждаемое, за высокую дружбу, овеянную прямо-таки отцовской духовностью?! Гонимый, советского типа судья, претендующий на социальную и человеческую справедливость, прет вдоль по улице Серафимовича: «Шагаю дальше. Вот дачское сооружение, построено на личные сбережения Корнеем Чуковским – этакое длинное дощатое здание, напоминающее сарай, выкрашенное в зеленое и с большими буквами по фасаду: БИБЛИОТЕКА. Впервые я увидел эту библиотеку лет 30 назад и подивился: «Боже, сколько разговоров, шума про детский книжный храм в Переделкино! Уж затеял Чуковский оставить о себе добрую память, так строил бы что-нибудь оригинальное, вызывающее восторг в детях, сказочный замок... Прибавил бы сколько-то из своих денежных средств, ведь в хрущевское время был он в почете и славе, да и стройматериалы ему наверняка по госцене обошлись. И опять склонность к уничижению, даже к омерзению благороднейшего поступка. Порадоваться бы тому, что в громадной многомиллионной стране один-единственный человек, не самый богатый, построил на собственные

сбережения детскую библиотеку, по существу не просто детскую, а взрослую – Переделкино и обширная округа находились без библиотеки, а библиотека Дома творчества была доступна лишь писателям – ну восхитись ты этим, воздай благодарность, ан надо оскуднить высокое милосердие: сарай построил, а надо бы дворец, со сказочным привкусом.

Лиходей своей судьбы

Вот только что я добрал до библиотеки Корнея Ивановича Чуковского, оглядел ее. Это спасительная для детских и взрослых читателей библиотека, в том числе для словотворцев, на мой взгляд барачного обитателя 30–40-х, частью 50-х годов Магнитогорска, внешне скромна, основательна, но не без картинной привлекательности: походит простотой и обихожностью на американские дачи по берегам Великих озер. Главное-то, конечно, не во внешнем ее облике. В прихожей и прямо в зале – портреты любимых писателей, с которыми соседствуют ярко-красочные детские рисунки. Можно подойти к окошку, сдать и выбрать книги. Однако большинство читателей проходят в зал абонемента, к столу давней, поистине родной библиотекарши Валентины Сергеевны Ивановой. Все для тебя доступно: стеллажи, шкафы, стопы томов, журналов, газет – выбирай, посидевшая на лавках. Для школьников здесь действительно, Книжный храм. То, что тут, приходя, встречаешь мальчишек и девчонок, парней и девушек, обычно. Встречал я здесь юных монахинь, священнослужителей, студентов, журналистов, пенсионеров и пенсионерок, музейщиков и, разумеется, писателей, а среди них – Игоря Золотусского, критика и литературоведа исключительной глубины, притягательности, требовательности, самостоятельности, который будто бы недооценивает своего земляка Ткаченко, а потому не уделял ему рецензий...

О, как непомерно до невозможности Ткачке соглашаться с чьими-то исключительными достижениями: «Хотя все написанное им нельзя назвать столь уж выдающимся – хорошие стихи для детей, книги о детской психологии и речи «От двух до пяти», работа о Некрасове, Чехове, Уитмене, критика и переводы... Просто Корней Иванович, будучи человеком безусловно незаурядным, умно распорядился отпущенными ему литературными способностями. Таких называют обычно «мастерами своей жизни». За этой оценкой Корнея Чуковскому, раздираемой душевной жадностью, – смердающее завистничество. Нет, в лучших своих стихотворениях и поэмах Чуковский был и остается выдающимся детским поэтом, а его переводы Уитмена изумительны! Назвав Чуковского «мастером собственной жизни», Ткаченко, по сути дела, в лоб упирает на то, что Корней Чуковский ловкачески ловко обстряпал собственную судьбу. Являясь сложнейшей личностью, Чуковский вмещал в свою жизнь такое поведение, которое могло бы катастрофически обрушить ее: его письма, посланные почтой по просьбе Сталина, чтобы Илья Репин переехал из Куоккалы (Финляндия) в СССР, зывали Репина на Родину, а письма через верных людей предостерегали Репина от возвращения. Об этих письмах, после нашего захвата Куокколы, Сталин был извещен. От ареста и бериевских лагерей спасла Корнея Ивановича дочь Сталина Светлана, убедившая отца в том, что она и ее братья воспитывались на поэзии Чуковского, а потому-де он заслуживает прощения. Не кто-нибудь, а Корней Иванович уговаривал Бориса Пастернака, не без нахрапа и обиды, отказаться от Нобелевской премии, что подкашивало его престиж перед Западом и нашими демократами конца 50-х годов. И он же, Корней Иванович, спасал у себя на даче советского антикоммуниста № 1 Александра Солженицына. Так что Чуковский был и анти-мастером по созданию своей жизни. Я знаю за ним и другие истории, где он был лиходеем своей судьбы»

Продолжение следует

> Гонимых, запрещаемых, посаженных поэтов у нас переписывали в альбомы и тетради